

Целую неделю Цзи Сюэмянь не желал никого видеть. Он зарылся в присланные из Столицы бумаги, день и ночь напролет не выпуская из рук кисти.

Когда Лань Шэнь отворил полог шатра, Цзи Сюэмянь как раз погрузил кончик кисти в тушечницу, провернул её несколько раз и, обдумывая слова, замер.

Не успела кисть коснуться бумаги, как Цзи Сюэмянь поднял голову, немым вопросом глядя на Лань Шэня.

В тесном пространстве царил беспорядок: скомканные листы бумаги валялись повсюду. На Цзи Сюэмяне был простой, легкий халат цвета морской волны, но даже этот изысканный наряд не мог скрыть его предельной усталости. Казалось, он снова не спал всю ночь — его вид был изможденным.

Лань Шэнь украдкой вздохнул, поднял сверток и произнес:

— Господин, из Столицы пришли новые донесения.

Глаза Цзи Сюэмяня, испещренные красными капиллярами, болезненно блеснули. Он потер переносицу и хриплым, но мягким голосом отозвался:

— Читай.

— Это... донесения от главы Великого судебного приказа с требованием отрешить вас от должности. Император не стал их рассматривать, а прислал лично вам, — Лань Шэнь развязал узел и осторожно сложил стопку из семи-восьми свитков на стол.

Цзи Сюэмянь лишь равнодушно хмыкнул. Доносов на него было не счесть. Столько лет он поддерживал Его Величество, нажил немало врагов, и все эти бумаги твердили одно и то же: мол, он подстрекает юного правителя, узурпирует власть и тому подобное.

Не глядя, он отложил их в сторону.

Помедлив, Лань Шэнь всё же добавил:

— Регент до сих пор не казнил тех убийц.

Рука Цзи Сюэмяня на миг замерла.

— Ясно.

Лань Шэнь понизил голос и подошел ближе:

— Господин, я разузнал: среди Императорской гвардии выжило немало людей. Я уже виделся с

Пан Ином.

Цзи Сюэмянь слегка приподнял веки, выражение его лица немного смягчилось:

— Главный командующий Пан Ин? У него действительно неплохая подготовка. Скажи ему, чтобы затаился.

Случайно взяв один из свитков с доносами, он развернул его и обнаружил, что именно этот свиток предлагает сместить с поста «главного командующего Императорской гвардии Пан Ина, сына клана Пан».

Цзи Сюэмянь подумал: похоже, в Столице назревают перемены. Кто-то решил воспользоваться тем, что они в Наньцзяне, и покончить с ними.

Снова взяв кисть, он опустил взгляд и негромко спросил:

— Есть ли новости от Императора?

— Ваше Величество в последнее время пребывает в лучшем расположении духа, торопит вас вернуться и очень скучает. Есть лишь одно важное дело, — ответил Лань Шэнь.

Цзи Сюэмянь тихо вздохнул:

— Речь о регенте?

Лань Шэнь подтвердил:

— Да. Правый премьер-министр говорит, что если регент погибнет, в Столице может начаться смута. Он надеется, что вы сдержите его до тех пор, пока мы не замирим Наньцзян и не вернемся в Столицу. Кроме того, появилась некая тайная организация наемников, называющая себя Паук. Откуда они взялись — пока неизвестно.

Цзи Сюэмянь кивнул. Последние месяцы были полны перемен и коварных интриг. Возвращение Дуань Цичи в Столицу стало неизбежным, но само по себе опасности не представляло.

При дворе и за его пределами назревала буря. Маленький Император был подобен горному козленку на краю обрыва, за которым наблюдали бесчисленные хищники. А он, Цзи Сюэмянь, был тем самым копьём, на которое опирался Император, вбитым в скалу.

Цзи Сюэмянь подпер лоб рукой, закрыл глаза, пытаясь успокоиться. Спустя время он единым духом дописал письмо, взял за уголок, раздул щеки, чтобы просушить чернила, и протянул Лань Шэню:

— Передай это Императору — отчет о моем здравии.

Лань Шэнь бережно спрятал письмо за пазуху и с сомнением спросил:

— А с теми негодяями, что распускали грязные слухи, господин, может, стоит... — он провел ребром ладони по горлу.

Цзи Сюэмянь встал, оперся на край стола, смахнул весь хлам на пол и спокойно ответил:

— Если убивать, то только моими руками.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Лань Шэнь больше всего боялся именно такого его состояния — когда тот казался не совсем человеком.

Полог шатра отодвинулся — это Дуань Цичи пришел без приглашения.

Дуань Цичи жестом велел Лань Шэню уйти. Лань Шэнь взглянул на своего господина, Цзи Сюэмянь едва заметно кивнул, и Лань Шэню пришлось неохотно удалиться.

Цзи Сюэмяню не о чем было говорить с Дуань Цичи. Он развернулся, снова сел за стол и взял кисть, демонстративно игнорируя гостя.

С той ночи они не обменялись ни словом.

Дуань Цичи не рассердился. Он поднял с пола скомканные бумаги, развернул их одну за другой, и на его лице заиграла странная полуулыбка:

— Господин Сылин так добродетелен, а тут все до единого — доносы на меня.

Цзи Сюэмянь вывел последний иероглиф. Теперь, когда притворство стало бессмысленным, он не стал скрываться: повернул ещё не просохший лист и положил перед Дуань Цичи.

— Одинаковые доносы, Ваше Высочество, извольте ознакомиться.

— Император, конечно, будет внимательно читать свитки Главного секретаря. В конце концов, что значат жалкие доносы на амбициозного регента? — Дуань Цичи медленно крутил на пальце нефритовую печатку. Он снял её — изумрудную, пропитанную влагой — и тяжело придавил угол бумаги. Приподняв бровь, он добавил с ноткой равнодушия: — Господин может быть куда более амбициозным.

Цзи Сюэмянь промолчал, когда его вынудили покинуть шатер.

Они оказались на месте Братской могилы, где недавно обустроили лагерь для пленных.

Цзи Сюэмянь шел по высокой траве; кости, торчащие из земли, неприятно хрустели под

ногами.

Дуань Цичи, знавший путь, привел его ко входу в пещеру. Внутри было прохладно. Те убийцы были ещё живы, хотя и покрыты ранами.

Дуань Цичи вытащил свой меч, взял руку Цзи Сюэмяня и вложил рукоять в его ладонь:

— Я специально сохранил им жизни, господин Цзи может распорядиться ими по своему усмотрению.

Услышав голос Дуань Цичи, убийцы медленно подняли головы. За несколько дней их лица посерели, щеки ввалились, и лишь волчьи глаза по-прежнему злобно сверкали.

Цзи Сюэмянь сжал меч, кончиком клинка приподнял подбородок одного из пленников и хрипло произнес:

— Загнанные звери.

Убийца был истощен и не мог говорить, лишь тяжело дышал, пытаясь выдать слова:

— А вы, господин, с таким болезненным видом... разве сами не на пороге смерти?

Цзи Сюэмянь нахмурился:

— Какое тебе до этого дело?

Другой убийца прохрипел:

— Убивай, если хочешь, хватит этих пыток, от которых лучше умереть.

Цзи Сюэмянь промолчал. Он смотрел на свой меч, рука его внезапно сжалась, но он лишь молча опустил её.

У Цзи Сюэмяня был другой план: ему нужно было оставить их в живых, чтобы хотя бы выяснить, кто отдал приказ сжечь Поместье Цзи.

Дуань Цичи был слегка удивлен, приподнял бровь и искоса взглянул на Цзи Сюэмяня:

— О чем задумался Главный секретарь?

Цзи Сюэмянь не ответил, лишь холодно спросил:

— Кто ваш хозяин? Скажете — отпущу, получите денег, смените обличье и скроетесь.

Убийцы переглянулись, не ожидая такого поворота. Главарь, грузный мужчина, произнес:

— Условия господина заманчивы. Но кто даст гарантию, что вы не предадите нас, как только мы всё расскажем, и не перебьете?

Цзи Сюэмянь ответил твердо:

— Я держу свое слово.

Глаза главаря плотоядно заскользили по коленям Цзи Сюэмяня:

— Позволь мне трахнуть тебя разок, и я выложу всё.

Мужчины захохотали, ничуть не походя на тех, кто голодал несколько дней. Несмотря на это, Цзи Сюэмянь остался невозмутим и не поддался на их провокацию.

Не успели убийцы закончить, как рука Дуань Цичи легла на плечо Цзи Сюэмяня. Он выхватил меч, который тот едва удерживал, и одним взмахом перерезал горло нескольким пленникам.

Цзи Сюэмянь широко раскрыл глаза:

— Ваше Высочество, что вы творите?!

Дуань Цичи лишь вздохнул:

— Хотел помучить их подольше, выведать информацию, да кто ж знал, что теперь всё пропало.

Цзи Сюэмянь закрыл глаза. Видя, что план провалился, он собрался уйти, но Дуань Цичи преградил ему путь.

Цзи Сюэмянь огрызнулся:

— Ваше Высочество, уйдите с дороги.

Дуань Цичи не уступил:

— Они не ответили тебе, но и ты не ответил мне.

Цзи Сюэмянь сделал шаг назад и прищурился:

— Я не стану отвечать Вашему Высочеству. Вы можете взмахнуть мечом и убить меня тоже.

Сказав это, он ничуть не пожалел.

Дуань Цичи внезапно сменил тон:

— Неужели между нами всё так плохо?

Они стояли очень близко, грудь к груди, едва ли не в полшага друг от друга. Дуань Цичи спросил:

— Почему ты не ударил сам?

Цзи Сюэмянь отвернулся, не желая отвечать. Дуань Цичи слегка наклонил голову, разглядывая его бледные щеки. Снаружи, у входа в пещеру, догорала закатная заря, мягкий желтый свет падал на лицо Цзи Сюэмяня, золотя его ресницы. На лице Цзи Сюэмяня не было эмоций, но в спокойных глазах читалась решимость.

Цзи Сюэмянь сухо произнес:

— Мои действия не касаются Вашего Высочества.

Это был явный отказ, и любой человек, хоть немного дорожащий своим достоинством, не стал бы настаивать. Но Дуань Цичи достоинством пренебрегал.

Он прямо заявил:

— Ты пишешь доносы на меня, слово за словом, словно кровью истекаешь, так стараешься, а теперь говоришь, что это меня не касается?

Дуань Цичи подошел к телам, отрезал кусок ткани с одежды одного из убийц, положил на лезвие меча и протянул Цзи Сюэмяню:

— Надень.

Цзи Сюэмянь смотрел холодным взглядом, но не взял.

Дуань Цичи повторил, не терпящим возражений тоном:

— Надень.

Спустя мгновение Цзи Сюэмянь, собравшись с духом, протянул руку, взял ткань и туго повязал глаза.

Дуань Цичи остался доволен. Он поднял меч, поддел свободный конец пояса Цзи Сюэмяня, притянул его к себе и, вложив меч в руку Цзи Сюэмяня, накрыл его тонкую холодную ладонь своей. Направив его руку, он упер лезвие в подбородок последнего выжившего пленника.

Через кончик клинка передавалась дрожь дыхания убийцы. С завязанными глазами чувства Цзи Сюэмяня обострились.

Голос Дуань Цичи, стоявшего рядом, доносился словно издалека:

— Почему ты не хочешь убить его сам? Давай помогу.

Цзи Сюэмянь, поддавшись напору, подался вперед:

— Прошу прощения за свою слабость, не стоило вас утруждать.

Пальцы Дуань Цичи мягко сжались, поглаживая его руку, передавая тепло, от которого Цзи Сюэмяня бросало в дрожь.

Дуань Цичи прошептал:

— Ты хотел оставить его в живых и позволить им унижать себя. Я не такой, как ты. Ты можешь терпеть, а я — нет.

С этими словами он надавил на руку, и вместе с Цзи Сюэмянем они вогнали острое глубоко в горло убийцы.

Кровь брызнула на щеки Цзи Сюэмяня — горячая, яркая, словно цветы сливы, распустившиеся на фоне его морозного, бледного лица.

До самого последнего момента убийца дрожащим голосом молил:

— Ваша светлость, пощадите...

Цзи Сюэмянь набрал воздуха в грудь, с силой ударил локтем назад, вырвался из хватки Дуань Цичи и, пошатнувшись, отступил. В глазах потемнело.

Он слишком давно не спал, и резкое движение вымотало его окончательно.

Цзи Сюэмянь давно всё понял:

— Ваше Высочество говорит, что не хотел моего унижения? На самом деле, вы предпочли оставаться в неведении, не узнав, кто из влиятельных лиц при дворе стоит за «Пауком», лишь бы я перестал метаться в слепой ярости? Ваше Высочество, вы действительно ничем не брезгуете.

Цзи Сюэмянь, больше не в силах сдерживаться, разжал пальцы, и меч с лязгом упал на землю. Он прислонился к стене пещеры и потянулся сорвать повязку.

Дуань Цичи, оттолкнутый им, не отступил, а шагнул вперед, схватил Цзи Сюэмяня за руки и завел их за спину:

— Сюэмянь, ты меня неправильно понял.

Цзи Сюэмянь пытался вырваться, применив грубую силу, но тут чья-то нога преградила ему путь, жесткое колено намеренно или случайно коснулось внутренней стороны его бедра. Цзи Сюэмянь вздрогнул и на миг растерялся.

Дуань Цичи развернул его и прижал к грубым камням стены. Ключицы пронзила боль, а он прорычал:

— Ваше Высочество, к чему оправдания?

— Хорошо, думай что хочешь, мне всё равно, — тихо произнес Дуань Цичи.

Цзи Сюэмянь насмешливо усмехнулся и отвел взгляд:

— Тогда почему Ваше Высочество не перебило всех убийц сразу?

Дуань Цичи, глядя на его усмешку, начал дышать тяжелее. Он обхватил его тонкую талию, выдернул пояс и крепко связал им запястья Цзи Сюэмяня.

Цзи Сюэмянь лишился пояса, халат распахнулся. Последний оставшийся в живых убийца смотрел на них, и звук сглатываемой слюны в тишине пещеры звучал оглушительно.

Цзи Сюэмянь понимал, в каком он жалком положении. Перед глазами — тьма, запястья связаны, но хотя его уста продолжали язвить, разум оставался удивительно ясным.

Он знал, что нельзя паниковать. Мозг знал, рот знал, и только тело не слушалось.

Словно чувствуя его смятение, Дуань Цичи наклонился к самому его уху и прошептал:

— Мне нужно, чтобы этот последний убийца остался жив. Как свидетель.

Дуань Цичи хотел оставить его, чтобы тот, вернувшись в Столицу, передал весточку своему хозяину. Но что ещё он мог передать?

Что регент единолично правит, высокомерен, дерзок и что этот «Паук» — лишь очередная пешка, которую он уничтожит, когда пожелает?

С того самого дня, как Цзи Сюэмянь впервые встретил Дуань Цичи, он знал, что этот человек — безумец. Злопамятный, жестокий, он вырос, получил титул князя и должность регента,

добился небывалого влияния. Он скрыл свою мрачную натуру за блестящим фасадом, но не смог изменить своей врожденной свирепости.

Дуань Цичи никогда не терпел неудач в своих замыслах, пока не встретил Цзи Сюэмяня. С этого момента каждый его шаг был полон препятствий. В мире появился человек, который каждый день шел ему наперекор.

Дуань Цичи не боялся — он лишь безумно желал, чтобы Цзи Сюэмянь хотя бы запомнил его.

Дуань Цичи улыбался. Его черты лица, гордые и красивые, не походили на облик знатного вельможи — скорее на лицо отъявленного мошенника.

<http://bllate.org/book/21919/2277348>